

После часа ноль. Карнавал и политика в послевоенной Германии 1945-1949 гг.

Научный руководитель – Ахременко Андрей Сергеевич

Семенов Глеб Михайлович

Студент (бакалавр)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет социальных наук, Москва, Россия

E-mail: Glebsem2005@gmail.com

В 1949 году на футбольном матче между командами Германии и Бельгии, прошедшем к Кельне, вместо государственного гимна созданной за несколько месяцев до того ФРГ прозвучала любимая многими немцами карнавальная песня “Ich bin ein Einwohner von Trizonesien”. Теоретиками [см. Карабущенко, 2020] карнавализация политической культуры рассматривается как отклонение от нормы. История знает немало примеров смешения карнавала с политикой. Как правило, речь идет об обществах, вынужденных строить будущее, отказавшись от собственного прошлого в той или иной форме. Логика карнавала вынуждает действовать иначе, и если в нормальных политических культурах процессы протекают закономерно, то в карнавальных - время обретает длительность, а действия теряют последовательность, ибо “карнавал враждебен всякому завершению” [Бахтин, 1990].

Корни карнавализации лежат в заигрывании власти с народом [Карабущенко, 2020] и, наоборот, народа с властью. Именно второй механизм будет лежать в основе нашего исследования. Карнавал - это временная деформация социальной действительности [Бахтин, 1990], и если связывать классическое определение политической культуры, данное Алмондом и Вербой [Almond & Verba, 1963], с понятием карнавализации, намеренная деконструкция становится принципом действия в рамках конкретной политической реальности.

Необходимо сказать несколько слов о взаимосвязи между насилием и карнавализацией. Смех, лежащий в основе карнавализации становится своего рода “взрывом” [Аверинцев, 1992], обеспечивающем переход от несвободы к свободе. Карнавал призван, за неимением иных способов, изменить экономику насилия при помощи смены символической структуры. Тем не менее, в состоянии абсолютной свободы в ее негативной трактовке смех должно быть теряет эту функцию. И все-таки он сохраняет свою насильственную природу - не меняется субъект насилия, но меняется объект.

Можно провести параллель между теориями мимезиса и карнавала. Согласно миметической теории, в основе того, что означает истина, лежит механизм “козла отпущения” [Girard, 1972]. Жертвоприношение определяет начало и конец процесса. В том же время, позиция жертвы - это одновременно позиция гонителя [Cowdell, 2024]. Участники какого бы то ни было карнавала оказываются одновременно жертвами и гонителями.

Карнавализация политической культуры, свойственная тоталитарным обществам, продолжается на руинах тоталитаризма, с той лишь разницей, что смех победителей (victors) сменяется смехом жертв (victims) над своим прошлым. А поскольку “жертвы” суть бывшие “победители”, карнавал застывает в состоянии абсолютной неопределенности.

Терапевтическое отрицание, лежащее в основе феномена, с необходимостью сакрализует действие. Музыка, сопровождающая любой карнавал, задает ритм, но синкопа, лежащая в основе джазового аккомпанемента, должна ритм разрывать. Подобно разорванному пространству-времени, лиминальность, устанавливаемая карнавалом, является состоянием в себе, присущим окружающей реальности [Agier, 2017]. В.Борхерт писал - “наше “юпхайд-юпхайда” и наша музыка - это танец над зияющей бездной, и музыка эта - джаз”

[Borchert, 2007]. Сказанное в отношении музыки в равной степени можно отнести к карнавалу.

Настроения в послевоенной Германии вписываются в эту рамку. В то время как британцы в 1947 году запретили проведения карнавала в Кельне, французы чуть ли не заставляли майнцев возобновить традицию. Французский комендант понимал городской праздник как “средство преодоления тяжелого наследия прошлого”. “Марш страны дураков”, исполненный Баббелнитом, наполнен самообличительным пафосом, соседствующим с пафосом самооправдания. Карнавал представляет собой форму ритуального насилия, в котором коллективное переживание стыда и вины трансформируется в гротескный спектакль, служащий инструментом адаптации к новой реальности.

В послевоенном карнавале неизбежно сочетаются два ключевых антропологических образа, связанных между собой. Это и поминальное застолье, и инструмент нормализации бытия - карнавал амбивалентен. И тем не менее, в послевоенной Германии он неизбежно теряет свой подрывной потенциал, переставая функционировать как пространство утопии [Agier, 2017]. Упрощенное мироздание, приписанное карнавалу А.Камю [Камю, 1990], становится закономерным продолжением нацистского конформизма, торжеством которого Х.Йенер [Jähner, 2019] называет кельнский карнавал.

Таким образом, карнавализация политической культуры представляет собой сложный, амбивалентный феномен, включающий в себя элементы ритуального насилия, свободы, социальной адаптации и деконструкции прошлого. Карнавал, будучи воплощением механизма мимезиса, может выполнять терапевтическую функцию [Радаев, 2024], но в то же время способен консервировать устоявшиеся модели поведения. В случае послевоенной Германии карнавализация стала частью стратегии коллективного переосмысления истории, позволяя обществу одновременно признать свою вину и дистанцироваться от нее через смех. Однако, как показывают исторические примеры, карнавал остается временной формой политического действия, не заменяя собой подлинного политического преобразования.

Источники и литература

- 1) Аверинцев С. С. Бахтин, смех, христианская культура // М.: Бахтин как философ. – 1992. – С. 7-19.
- 2) Бахтин М. М. Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса // М.: Художественная литература. – 1990. – С. 199-206.
- 3) Камю А. Человек бунтующий. - М.: Политиздат. - 1990.
- 4) Карабущенко П. Л. Карнавальная политическая культура: системный анализ основных категорий // Вопросы элитологии. – 2020. – Т. 1. – №. 2. – С. 30-62.
- 5) Пророкова М., Радаев В. Другие способы обращаться с насилием: инструменты нарративной терапии и гонительские репрезентации // Философско-литературный журнал «Логос». – 2024. – Т. 34. – №. 3. – С. 147-172.
- 6) Agier M. Le rite carnavalesque. Toujours recommencé, entre transgression et sédition // L’Observatoire. – 2017. – Т. 50. – №. 2. – С. 67-69.
- 7) Almond G. A., Verba S. Political Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. – 1963.
- 8) Borchert W. Das ist unser Manifest – Das Gesamtwerk. Reinbek. – 2007.
- 9) Cowdell S. Rene Girard, the nihilism of post-truth, and the escalation of violent undifferentiation // Logos. – 2024. – Т. 34. – №. 3. – С. 123-144.

- 10) Girard R., Gregory P. La violence et le sacré. – Paris : Grasset, – 1972.
- 11) Jähner H. Wolfszeit – Berlin : Rowohlt Verlag. – 2019.